

— Цзи Чжайсин, ты думаешь, что сможешь ранить меня одним лишь Демоническим клинком?

Цзи Чжайсин улыбался, его юношеская уверенность сияла. Он был таким же, как когда-то в маленькой секте, где его обожали как наследника.

Юнь Шу никогда раньше не видел такого чужого взгляда в глазах Цзи Чжайсина, и это вызывало в нём странное беспокойство, а в его дантянь накапливалась скрытая боль.

Черноволоосый практикующий сказал:

— Патриарх Юнь Шу, мои слова в тот день не были пустыми. Что бы вы ни хотели, я дам вам.

Он поднял руку.

Острый Демонический клинок без ножен, лезвие сияло, как новое, и впервые он был использован, чтобы пролить кровь своего владельца.

Цзи Чжайсин приложил лезвие к своему плечу и провёл его до груди. Клинок пронзил его спину, и кровь хлынула, мгновенно пропитав половину его тела.

Зрачки Юнь Шу сузились. Эта сцена, казалось, выходила за пределы его понимания, и его мозг на мгновение стал пустым.

Особенно потому, что человек перед ним, казалось, не обращал на это внимания, произнося заклинание, а на его щеке было пятно крови, словно красная родинка, одновременно прекрасная и отчаянная.

Белая Дао-кость Хуау медленно извлекалась из его тела.

Цзи Чжайсин никогда раньше не был таким дерзким. Но его лицо было смертельно бледным, словно в следующий момент он мог исчезнуть перед глазами Юнь Шу.

Несмотря на невероятную боль, Цзи Чжайсин сохранял ясность ума.

Он сказал Юнь Шу:

— Патриарх научил меня множеству сложных техник, но я не освоил ни одну. Только этот метод извлечения кости, увидев однажды, я запомнил навсегда.

Тёплая кровь с резким запахом, густая, как перезревший плод. Юнь Шу невольно вспомнил, как впервые пролил кровь, и его охватил холод. Его рука, держащая меч, всегда была устойчивой,

но сейчас она слегка дрожала.

Юнь Шу слегка нахмурился, сдерживая руку с мечом, его сердце было в смятении.

Казалось, перед ним была именно та картина, которую он хотел увидеть, только исполнитель был другим.

Юнь Шу даже не смог сдержаться и сделал шаг вперёд, желая схватить запястье Цзи Чжайсина.

Цзи Чжайсин, словно испуганный детёныш, посмотрел на Юнь Шу и на мгновение остановил заклинание.

— Патриарх Юнь Шу, — он улыбнулся, почти с насмешкой, — если я ошибусь на шаг, Дао-кость будет уничтожена.

Кровь на Цзи Чжайсине почти полностью пропитала его свадебный наряд, но он, казалось, не обращал на это внимания. Его бледные щёки были неестественно румяными, и он с трудом сдерживал тяжёлое дыхание, словно был на грани истощения.

Юнь Шу остановился.

Он знал, что этот метод был крайне опасен, и малейшая ошибка не только уничтожит Дао-кость, но и убьёт Цзи Чжайсина.

Юнь Шу давно не испытывал такого яркого гнева, словно его воля была нарушена. Его лицо было мрачным, и он медленно произнёс имя черноволосого практикующего:

— Цзи Чжайсин.

Цзи Чжайсин в этот момент странно размышлял.

— Неужели Юнь Шу любит сам причинять боль, чтобы я мучился?

Пальцы, сжимающие рукоять меча, побелели от напряжения. Кровь, стекающая с лезвия, попала на его ладонь, словно он держал горсть цветов.

Он медленно извлёк Дао-кость.

Несмотря на то что это был кусок, извлечённый из плоти и костей, Дао-кость Хуау была невероятно гладкой, излучая слабый свет, словно кусок тонко обработанного нефрита. Цзи

Чжайсин, извлекши её, слегка прикрыл ладонью.

Демонический клинок, использованный для этого, он также вытащил. После таких серьёзных ран и потери Дао-кости его совершенная практика Золотого ядра мгновенно упала до начального уровня.

Его лицо было бледным, а алые губы потеряли цвет. Он произнёс ещё одно заклинание, отправив Дао-кость к Юнь Шу.

Сокровище, из-за которого весь мир практикующих мог сойти с ума, было так легко передано в руки Юнь Шу.

То, о чём он мечтал, ради чего он, будучи мастером, был готов пойти на всё.

Юнь Шу не двигался.

Цзи Чжайсин смотрел на Юнь Шу, но в его взгляде больше не было той сосредоточенности, словно все звёзды исчезли из его глаз.

— Патриарх Юнь Шу, — сказал Цзи Чжайсин, — с этого момента мы свободны от любви и ненависти.

Свободны от любви и ненависти.

Губы Юнь Шу слегка сжались, в его чёрных глазах, казалось, бушевала буря, наполненная яростью.

— Ты...

Талисман, спрятанный в рукаве, выскользнул, и Цзи Чжайсин слегка коснулся его двумя пальцами, вызвав пурпурное пламя.

Черноволосый практикующий поднял глаза, словно освободившись, решительно порвав все связи.

Пурпурное пламя поглотило его, и духовная энергия вокруг Цзи Чжайсина сгустилась, словно плотно обернув его — этот талисман был создан его наставником, потратившим сто лет практики, чтобы создать Пространственный талисман высшего уровня, который должен был спасти его жизнь, но Цзи Чжайсин использовал его сейчас.

Зрачки Юнь Шу сузились, он, вероятно, предвидел намерения Цзи Чжайсина, но не стал ему

мешать.

Цзи Чжайсин исчез перед его глазами.

Свободны от любви и ненависти...

Лицо Юнь Шу стало ещё холоднее.

Другие практикующие, наблюдавшие за развитием событий на церемонии, вздохнули, увидев, как Юнь Шу спрятал Дао-кость в рукав. Никто не знал, что его ледяное выражение едва сдерживалось, словно он был на грани безумия.

— Тан Хуаймэн, — позвал Юнь Шу, — приведи Цзи Чжайсина обратно. Как бы то ни было, он принадлежит секте Меча Минлин.

Практикующие внизу, вероятно, чувствовали лёгкое желание.

Такой решительный и прекрасный юноша, даже если он не стал спутником патриарха Юнь Шу...

Но сейчас они содрогнулись от грубости Юнь Шу — его слова явно содержали угрозу и предупреждение, чтобы они не приближались к Цзи Чжайсину; даже если он не принадлежал ему, он не позволит другим прикоснуться к нему.

Взгляд Юнь Шу упал на его самого любимого ученика.

— Юнь Лю, иди со мной.

После извлечения Дао-кости каждая минута была важна для её усвоения.

Лицо Юнь Лю было белым, он едва сдерживался.

Он едва мог представить, как его товарищи будут смотреть на него... Или даже он сам не мог принять это с чистой совестью.

Даже Се Чимэн слегка нахмурился, посмотрев на него несколько раз.

Другой, кого называли, Тан Хуаймэн, почувствовал, будто оказался в ледяной пещере, одновременно злясь и пугаясь.

Он не мог представить, что его наставник задумал нечто подобное, взяв Цзи Чжайсина в спутники.

Тан Хуаймэн, будучи наследником большой секты, знал, что путь практики безжалостен, и видел множество внутренних конфликтов и борьбы за ресурсы; но даже он не мог найти оправдания поступкам своего наставника.

Только подумав о том, как Цзи Чжайсин узнал правду, и о том, что он сам когда-то сказал ему...

Тан Хуаймэн даже почувствовал лёгкую ненависть.

Наставник так унижил Цзи Чжайсина, что лучше бы он...

Тан Хуаймэн опустил голову, но встал, едва слышно ответив:

— Да.

В его глазах была боль.

...

Кровь, капающая с подола одежды, падала на шелестящие кусты; из-за высокой концентрации духовной энергии в крови листья, впитавшие её, слегка шевелились, словно обретая зачаточный разум.

Цзи Чжайсин чувствовал облегчение.

Освободившись от предначертанных уз, он мог прожить хотя бы ещё сто лет.

Дао-кость Хуау действительно была сокровищем, за которым охотились все практикующие, но Цзи Чжайсин не жалел о её потере. Ведь информация о том, что он обладал ею, не была тайной.

Ученики секты Меча Минлин, которые сопровождали Юнь Шу в его путешествии в нижний мир, знали об этом. Обладать таким сокровищем означало постоянную опасность, и лучше было отдать его Юнь Лю.

Судьбоносный герой в круге перерождений не боялся таких проблем.

Кроме того, он покончил с одной кармической связью.

Цзи Чжайсин опустил глаза, произнёс заклинание очищения, чтобы скрыть запах крови. Даже с его практикой Золотого ядра такие серьёзные раны оставили его слабым.

Но он не ожидал встретить Тан Хуаймэна.

В его воспоминаниях Тан Хуаймэн всегда игнорировал его, иногда проявляя наивную гордость. Но он никогда не появлялся перед ним в таком жалком состоянии.

— Он пришёл мстить?

Цзи Чжайсин задумался, наложив на свои раны несколько заклинаний исцеления. Его Демонический клинок без ножен гудел, лезвие всё ещё слегка красное, словно жаждало крови.

<http://bllate.org/book/15565/1385351>